

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Агибалов Геннадий Петрович,
*профессор, доктор технических наук,
 заведующий кафедрой защиты информации и криптографии ФПМК ТГУ*

АВТОБИОГРАФИЯ

Если верить паспорту, родился я 18 мая 1939 года, то есть ровно сутки спустя после моего появления на этом свете. Не берусь утверждать наверное, что это событие запомнилось мне в тот самый момент, когда оно случилось, хотя я и был его непосредственным участником; скорее, много позже мне рассказала о нем моя мама. А так как у меня нет ни малейшего основания не верить родной матери, то (дабы не исказить историю) днем своего рождения считаю именно 17 мая. Родился в селе Казанцево Шушенского района Красноярского края. В семье был вторым и последним ребенком. В то время мои родители работали в колхозе – отец председателем, мать рядовой колхозницей. Вскоре отец ушел на финскую войну, а затем, после недолгого пребывания дома, – и на Великую Отечественную. Матери, как и всем в ту пору, было нелегко управляться с домашним хозяйством, растить детей, работать в колхозе.

С пяти лет меня посадили верхом на лошадь и по весне отправили боронить пашню; в сенокос я уже возил копны, а в страду ездил «гусем» (была тогда в колхозе такая должность – «гусевик»: три лошади впряжены в жатку – одна впереди, две другие сзади – и на той, что впереди, сидит в седле гусевик и, подобно лощману, ведет этот машущий крыльями своеобразный корабль в три лошадиные силы мощностью и с двумя «космонавтами» на борту по строго заданному курсу). Работа нехитрая, но все трудности начинались потом, когда в обеденный перерыв или вечером после работы приходилось (это тоже входило в обязанности гусевика) крутить шестеренчатое точило, на котором машинист жатки – мой 15-летний шеф – точил затупившуюся во время жатвы пилу. Тут силенок моих не хватало, и я часто падал в изнеможении.

Иногда проводил лето за ловлей сусликов. В те годы их особенно много расплодилось на колхозных полях. Вылавливал до тысячи штук за сезон, обдирал, шкурки обрабатывал, сушил и сдавал заготовителю, за что получал деньги, которых едва хватало на кино. Нередко, в особо голодные дни, поджаренное на костре мясо этих зверьков служило нам – ребятишкам – деликатесом во время коллективных обедов, которые мы устраивали на зеленом лугу у реки Енисей. Позднее, когда я окреп и стал более смышленным, мне стали доверять и работы из «репертуара» взрослых: ходить за плугом, косить на сенокосилке, работать на комбайне и многое другое. Так проходило мое раннее детство.

В 1946 г. приехал из армии отец и увез нас с собой в Ташкент, где после войны он проходил воен-

ную службу. Там я начал учиться в школе, там закончил первый класс. Через год отец демобилизовался, и мы вернулись в родное село. Здесь я получил семилетнее образование, а среднее – в селе Шушенском. В том самом, где В.И. Ленин провел свою сибирскую ссылку. В 1954 г. вступил в ряды ВЛКСМ, избрали комсоргом класса, но зря возлагала на меня надежды классный руководитель – к комсомольской работе я оказался не способен. Не могу также сказать, что учеба, особенно в младших классах, давалась мне легко. Нередко психовал и, когда та или иная задача не решалась, швырял тетрадки в угол и заливался слезами. Много брал упорством, усидчивостью. В итоге, как правило, учился без троек, а чаще на одни пятерки. Среднюю школу окончил в 1956 г. с единственной четверкой (остальные оценки были пятерки), но серебряной медали мне почему-то не досталось. Не помню, однако, чтобы я был этим сильно огорчен.

А вот еще два примера школьных лет.

В пятом классе по весне учитель рисования вывел наш класс на природу и предложил каждому ученику нарисовать карандашом впереди стоящее дерево. Я сделал это так: изобразил во всех деталях ствол, каждую ветку и каждую почку, точно выдержав масштаб. Учитель посмотрел на мое творение, шибко изумился и поставил тройку.

Отпуская на летние каникулы после восьмого класса, учитель физики дал нам такое задание: каждое утро в течение двух месяцев фиксировать время восхода солнца и его местоположение на горизонте в этот момент. Летом я жил у бабки с дедом; бабушка по моей просьбе будила меня по утрам перед восходом солнца, и я, не пропустив ни одного дня, полностью выполнил задание учителя. В сентябре, на первом же уроке по астрономии, он поинтересовался нашими наблюдениями за солнцем. Оказалось, что никто из моих товарищей даже не помнил об этом задании. Из солидарности с ними я тоже промолчал.

В университет в 1956 г. поступал на общих основаниях; сдавал шесть экзаменов. Прошел по конкурсу, стал студентом радиофизического факультета Томского госуниверситета. Не скрою, был бесконечно рад этому событию: уж очень немногим выпускникам деревенских школ удавалось в ту пору поступить учиться в вуз, и я был счастлив, оказавшись в их числе. (Тем более, что в 1956 г. конкурс был особенно велик – в тот год из средних школ выходили ученики 10-х и 11-х классов. – *Прим. ред.*)

Свое крестьянское происхождение я еще долго чувствовал, общаясь с однокурсниками, среди которых было немало из интеллигентских семей. Лишь много позже, когда стали проявляться достоинства моего происхождения, я начал испытывать внутреннюю гордость за мои истоки.

Почему радиофизический факультет ТГУ? До некоторой степени случайно, хотя и не совсем так. Дело заключалось в следующем. Тогда меня действительно привлекала радиофизика, точнее – радиолокация, но я не знал, в каких вузах обучают этой специальности. О Томском университете, а тем более, о его радиофизическом факультете, я и слыхом не слыхивал, несмотря на то, что этот вуз был открыт еще в прошлом веке. Не думаю, чтобы это был исключительно мой личный недостаток, скорее тут вина службы информации, плохо организованной в сельской местности. О Томском политехническом институте (ТПИ) нам говаривали в школе, и я знал, в частности, что там можно изучать радиотехнику. Хотя и смутно, но я чувствовал, что это все-таки не радиофизика. Однако, не имея ничего более подходящего, решил поступать в ТПИ. Приехал туда, чтобы сдать в приемную комиссию свои документы, а мне говорят: «У вас, молодой человек, справка о состоянии здоровья не в порядке, требуется форма № 286, сходите в поликлинику № 1, там вас осмотрят и заполнят требуемую форму». Действительно, моя справка была предельно лаконичной: кроме моих инициалов и фамилии, неразборчивой подписи врача и треугольника печати только одно слово содержалось в ней – здоров. Полагаю, что наш деревенский фельдшер, выписавший мне эту справку, и не подозревал о существовании формы № 286. И вряд ли его можно было винить за это: не так уж часто в деревне требовались такие формы. Но как бы то ни было, сейчас я только благодарю его за эту ошибку, ибо по пути в поликлинику № 1 на одном из заборов обнаружил рекламу ТГУ и его радиофизического факультета. В ТПИ я уже не вернулся.

В студенческие годы увлекся спортивной гимнастикой. Правда, приобщение к ней происходило не совсем гладко. Сначала, когда было много желающих, меня просто-напросто не приняли в секцию гимнастики, сказав, что я не имею природных данных. И на самом деле в то время я выглядел щупленьким мальчиком; достаточно сказать, что рост мой укладывался тогда (в мои 17 лет) в 1 метр 40 сантиметров. Но к концу первого года обучения, когда по различным причинам в секции удержались только три человека, мне разрешили посещать ее; с тех пор я регулярно занимаюсь спортивной гимнастикой. За это время стал абсолютным чемпионом университета и города, занимал первые места в зональных соревнованиях Сибири и Дальнего Востока, выполнил норматив мастера спорта. В 1965 году мне присвоено звание кандидата в мастера спорта по спортивной гимнастике. Для получения звания мастера мне необходимо было еще раз преодолеть мастерский норматив, и я был к этому готов, но в то время меня уже всецело захватила наука. Гимнастика дала мне много и для характера, и для физического развития, внесла в жизнь строгий ритм, приучила к организованности и постоянному труду. Ради этого, разумеется, пришлось лишиться многих

удовольствий и благ студенческой и аспирантской жизни, но поступить иначе я, уверен, не мог.

Учеба в университете давалась нетрудно; наверное, потому что занимался ею регулярно. Единственную тройку получил на первом курсе на экзамене по истории КПСС. И поделил: кому-кому, а мне, крестьянскому сыну, следовало твердо усвоить, что в период коллективизации обобществление мелкого крестьянского хозяйства было невозможным не оттого, что крестьянин (субъективно) не хотел его отдавать, но оттого, что зарождавшиеся колхозы еще не могли (в силу объективных причин) обеспечить все (также и мелкие) потребности крестьянина. Правда, позднее на государственном экзамене я несколько реабилитировал себя ответом по этому предмету, однако до сих пор испытываю неприятное чувство всякий раз, когда мне вспоминается тот нелепый спор с преподавателем о причинах недопустимости левацких перегибов.

В студенчестве дважды избирался членом профбюро факультета – отвечал за жилищно-бытовой сектор, но, как тот сапожник без сапог, сам из-за нехватки мест в общежитии целый год жил, снимая койку в частном доме. В то время родителям в колхозе не давали денег за работу, денежной помощи от них я не имел и, чтобы платить за жилье, подрабатывал на разгрузке цемента из вагонов на станции Томск-1. С обязанностями в профбюро справлялся, но работал там без удовольствия и энтузиазма, так как это требовало дополнительного времени и отвлекало от учебы и гимнастики.

Университет закончил в 1961 году по кафедре электронной вычислительной техники и автоматики (ЭВ-ТиА). Курсовую и дипломную работы выполнял под руководством А.Д. Закревского – основателя научной школы прикладной дискретной математики в ТГУ. Тогда он сам был молодым ученым; первую научную работу он опубликовал в 1959 году, но где? – сразу же в Докладах Академии наук СССР, а кандидатскую диссертацию защитил в 1960 году. В сентябре 1962 года я поступил к нему в аспирантуру. Скажу прямо, аспирантура моя прошла ни шатко, ни валко, хотя и опубликовал несколько научных работ, но высших успехов я достиг в эти годы в гимнастике. Диссертацию в срок я не представил. Более того, к концу аспирантуры мне удалось лишь четко сформулировать тему диссертации и поставить строго решаемую задачу. Я сказал «мне удалось» не потому, что оговорился, но потому, что это не в стиле А.Д. Закревского – давать аспиранту конкретную тему или задачу, инициатива в этом вопросе (разумеется, в рамках научной школы шефа) должна исходить от аспиранта. Способность с максимальной самостоятельностью вести, а придет время, – и защищать, научные исследования – вот непереносимое условие успешной работы над диссертацией под руководством А.Д. Закревского. В то время я не рассчитал свои силы. В итоге диссертацию на степень кандидата физико-математических наук защитил только через три года после аспирантуры, т.е. в 1968 году.

Тема диссертации была потрясающей – криптографическая защита управляющей информации. На нее я вышел так. В 1964 году Ф.П. Тарасенко, тогда заведующий кафедрой ЭВТиА, заключил хоздоговор на выполнение НИР для одного московского предприятия. Это было то самое предприятие, где акаде-

миком А.А. Расплетиным был создан знаменитый комплекс наведения боевых ракет серии С, с помощью которого 1 мая 1960 года под Свердловском был сбит американский самолет-шпион, управляемый летчиком Фрэнсисом Пауэрсом. В договоре с этим предприятием нам предписывалась разработка средств защиты команд, передаваемых с земли на спутник, от действий противника с целью перехвата управления спутником. Для решения этой задачи А.Д. Закревский предложил применить шифрование управляющих команд, а конкретное решение было поручено мне. Без ложной скромности скажу, что мне удалось много сделать в этом направлении, хотя решить проблему до конца не дали наши «органы». Уже в 1966 году при попытке изложить результаты моих изысканий на одной из закрытых научных конференций по теории кодирования на меня вышли сотрудники КГБ, после чего наши отношения с предприятием по данной теме были прерваны.

С 1965 года нахожусь постоянно на педагогической работе – ассистент, старший преподаватель, доцент и в 1970 году заведующий кафедрой ЭВТИА. Тогда я был единственным штатным сотрудником кафедры, представлявшим «дискретную школу». За эти 5 лет прочитал студентам 5 различных математических курсов лекций: «Теория автоматов», «Теория логических сетей», «Специальные главы теории чисел и общей алгебры», «Теория алгоритмов» и «Теория кодирования». Для начала кажется многовато, если учесть, что каждый из этих курсов пришлось готовить впервые. Было нелегко, но «винить» могу только себя, ибо сам настоял на их подготовке и прочтении. И, полагаю, не зря: специалистам с университетским образованием в области электронной вычислительной техники и автоматики трудно обойтись в своей работе без знания данных предметов.

Женат, имею дочку трех лет. Жена – студентка Томского мединститута, к счастью, последнего курса и буквально на днях получает диплом.

Что касается остальных автобиографических данных – они в других моих документах: в анкете, в характеристике и т.п.

Всем хорошим во мне всецело обязан маме, деду с бабушкой и моим наставникам. В школе это был учитель физики Владимир Федорович Беляев, в университете – Аркадий Дмитриевич Закревский, мой научный руководитель, а также Макс Ханонович Курман, преподаватель английского языка, и многие другие. Исключительно положительную роль в моей жизни сыграли доцент Феликс Петрович Тарасенко и профессор Геннадий Алексеевич Медведев.

Июнь 1970 года.

* * *

Изложенное выше было написано для представления, наряду с другими необходимыми документами, на рассмотрение государственной комиссией с целью отбора кандидатур среди перспективных молодых ученых на годичную научную стажировку в капстранах. И хотя я успешно, как мне казалось, прошел все стадии рассмотрения, в том числе языковую и партийную (не будучи, кстати, членом КПСС), а на одной из стадий по рекомендации свыше заменил данный текст автобиографии на краткий и сугубо официальный, – руководство университета не со-

чло возможным представить меня к заграничному командировке, посчитав, по-видимому, что человеку с моей биографией за границей делать нечего. Может быть, меня в капиталистическую страну не пустили по рекомендации КГБ, так как я 5 лет занимался секретными работами особой важности.

В 1970 году на базе кафедры ЭВТИА, которой я тогда заведовал, был образован факультет прикладной математики. Кафедра ЭВТИА была реорганизована в кафедру математической логики и программирования – МЛиП, заведовать которой стал А.Д. Закревский, ставший к тому времени доктором технических наук и профессором, а я стал работать у него доцентом. Кроме того, я получил предложение от основателя ФПМК и первого его декана профессора Г.А. Медведева стать его заместителем по деканату. К тому времени у меня уже был опыт работы в заместителях: в методическом совете Отделения прикладной математики мехмата, проводившем тогда под председательством Г.А. Медведева всю организационную работу по открытию нового факультета, я был заместителем председателя – и знал, что ходить в замах – это не мой уровень. Я отказался от предложения Г.А. Медведева и потому, надо полагать, не попал в обойму «отцов-основателей» ФПМК. Я предпочел поехать в МГУ на 4 месяца для повышения квалификации по дискретной математике и математической логике и нисколько не жалею об этом, хотя это и привело в дальнейшем к неожиданным жизненным коллизиям (но о них в другом месте). В МГУ я существенно расширил свое математическое образование и впервые ощутил культуру математики. Мне это дали и полугодовые курсы лекций А.А. Маркова, В.А. Успенского, С.В. Яблонского, О.Б. Лупанова, В.Б. Кудряцева, Л.А. Скорнякова, В.И. Левенштейна, и посещение семинаров этих ученых, и редкие минуты общения с ними. С тех пор стараюсь, как могу, эти знания и эту культуру передавать своим ученикам.

Свою гимнастическую карьеру я закончил в 1971 году выступлением в соревнованиях на первенство города. Под занавес выступления выполнил двойное сальто вперед с перекладины. Специалисты по достижению оценят это мое достижение; его и сейчас мало кто может исполнить, а тогда ... Вся трудность этого элемента заключается в неустойчивости приземления – вращение направлено не к земле, а от нее, и ты не видишь, куда приземляешься.

В конце 1971 года, после отъезда А.Д. Закревского в Минск, становлюсь заведующим кафедрой МЛиП и руководителем оставленной им научной школы в ТГУ. Считаю своей главной заслугой перед Томским государственным университетом за последние тридцать лет именно сохранение и укрепление этой научной школы. Далеко не всегда бывает так, что научная школа продолжает жить без ее основателя, тем более в условиях, к сожалению, свойственных и для ТГУ, когда охотников «пригреть сирот» хоть пруд пруди. Сейчас научная школа А.Д. Закревского в ТГУ имеет три кафедры, свою образовательную специальность, свою аспирантуру по двум научным специальностям; в ней работают 4 доктора и 12 кандидатов наук, учатся около 100 студентов и более 10 аспирантов. (В 71-м же со степенями в ней оставались только два кандидата наук).

В 1976–1986 годах я – заведующий лабораторией синтеза дискретных автоматов СФТИ при ТГУ; в 1986–1999 годах – заведующий кафедрой МЛиП (сначала

– на ФПМК, с 1990 года – на РФФ); с 1999 года – заведующий кафедрой защиты информации и криптографии (ЗИиК) ФПМК. В 1993 году получил ученую степень доктора технических наук (по управлению в технических системах), в 1994 году – ученое звание профессора (по кафедре МЛиП). Создал оригинальное научное направление на стыке кибернетики и алгебры – теорию дискретных автоматов на полурешетках; моя докторская диссертация на эту тему Высшей аттестационной комиссией признана лучшей в своей области за 1993 год. В 1984–1990 годах организовал целевую интенсивную подготовку специалистов на ФПМК по оригинальной специализации «Математическое обеспечение

САПР электронной техники» и индивидуальному учебному плану. С 1995 года впервые в ТГУ читаю лекции и веду семинар (на РФФ и ФПМК) по защите информации и криптографии; в 1998 – открыл на ФПМК специальность 075200 – Компьютерная безопасность, в 1999 – кафедру ЗИиК, в 2000 – лабораторию компьютерной безопасности, аспирантуру по подготовке кандидатов наук в области информационной безопасности и теоретических основ информатики.

Имею двух дочерей и трех внуков. Как и в детстве пою мою любимую «Щумел камыш...».

Март 2000 года

Сотрудники ФМПК, научная редакция номера и редакционный совет журнала знают, что Геннадий Петрович Агibalов пишет стихи. Из его многочисленных поэтических произведений мы выбрали стихотворения, которые перекликаются с автобиографией Геннадия Петровича. Но не только эти соображения заставили нас остановиться именно на этих стихах. Нам показалось, что в них отражено очень многое – и преданность автора своим истокам, и теплые его воспоминания о не очень легком и простом детстве, и имеющая хорошее основание гордость за прожитую жизнь, и легкая грусть по ушедшим годам. Такое лирико-ностальгическое настроение стихотворений невольно заставляет читателя вспомнить и свое детство, вместе с автором погрустить о прошедшем дорогом для каждого из нас времени.

Г.П. Агibalов

КОНИ ДЕТСТВА МОЕГО Брату Жене

1

Годы под гору погнали,
А из прошлого всего
В душу мне сильней запали
Кони детства моего.

Помню клички и повадки
Двух десятков тех коней,
Ощущаю их лопатки
Под коленкою своей.

По ночам их запрягаю
В грабли, жатки и плуги,
Спозаранок выезжаю
Под дугой и без дуги.

Вижу их глаза с укором,
Устремленным на меня:
Напоил бы, дал бы корму
Прежде, чем взнудать коня.

Но я малый торопливый,
Мне б скорее – пяткой в бок
И, вцепившись в конскую гриву,
Перегнать копытный цок.

2

Небо синее, луг зеленый,
На лугу табун коней.
Всех их знаю поименно,
Повторяю каждый день:
Иноходка и Лысуха,
Кокус, Любка, Никодим,
Вот Кикимора-брызгуха,
Чертик и Блоха за ним.

А чуть дальше Однохольный,
Алексеиха, Скворец,
Рядом с ними два Соловых
И Игренька наконец.

Ближе всех Туман и Карька,
На меня тихонько ржут,
Впереди Амур и Ванька,
Хлеб да соль им подношу.

Здравствуй, Ванька, друг мой старший,
И тебе, Амур, поклон,
Вас всегда впрягали парой
И в косилку, и в фургон.

3

В жизнь мою вошел ты вехой
Детства конь последний мой,
На тебе я в юность въехал,
Развеселый и хмельной.

В тот день бабы пели звонче:
Завершался сенокос.
Мы с тобой, копнить закончив,
Возвращались в свой колхоз.

Как бывало не однажды,
В лодке – я, ты – рядом с ней,
Торжествуя, с видом важным
Переплыли Енисей.

А потом в нас бес вселился,
Охмеляя, веселя.
Как ребенок ты резвился,
Жеребенком прыгал я.

Ты понес меня по лугу,
Мимо рытвин и озер,
Крик восторга всю округу
Облетел во весь опор.

Я смеялся в упоеньи,
По спине твоей скакал,
Одуревши на мгновенье,
Я безумно ликовал.

Это был не миг счастливый,
Это – праздник всей души!
Мне его ты, конь мой милый,
Напоследок удружил.
Сделал это не случайно,
Чуял ты: пришла пора
Моего навек прощанья
И с тобой, и с детством враз.

.....
Вспоминая все, что было,
Я, как в детство ворочусь,
На коне моем любимом
Вновь по лугу мчусь и мчусь.

4

Слышу ржанье кобылицы,
Жеребенка мать зовет,
За него она боится,
Без нее он пропадет.
Алексеиха, без шуток,
Стороне знакома всей:
На ногах имея путо,
Вплавь ушла за Енисей.
А Блоха была кусачей,
Обижала паренька,
Получала часто сдачи
И с бича, и с кулака.
А Скворец, когда был в силе,
Обгонял всех на скоку.
Он один в лошадном мире
Плавал только на боку.
Наиболее прилежный
Среди всех коней – Туман:
Когда тянет воз, мятежно
Не глядит по сторонам.
Он из тех, о ком известно:
Не испортит борозды,
Довезет всегда до места,
Даже если без узды.
От него я знаю с детства,
Что повсюду, там и тут:
Кто везет, на том и ездят,
Был бы конь – хомут найдут.

5

Никодима молодого
Мне объезживать пришлось
И, скажу, страшной такого
Испытать не привелось,
Это был не конь, но дьявол,
Воплотившийся в коня,
По кустам, оврагам, ямам
На граблях катал меня.
Грабли зубьями колотят
По сиденью и, гремя,
На коня испуг наводят,
Мчит он, голову сломя.

Бьет копытами в оглобли
И хвостом бьет по лицу,
Льются слезы, брызжут сопли.
Мама, мамочка! – кричу.

Чтоб под грабли не свалиться,
Ведь тогда пиши – пропал,
Вожжи бросил наш возница,
Впился пальцами в металл.
На сиденьи с гибкой ножкой
Еле держится герой,
Был момент – еще немножко
И слетит вниз головой.
В диком буйстве конь неистов,
Не перечь ему тогда,
Сколько силы есть нечистой,
Должен выплеснуть до дна.
Я теперь уже не помню,
Два часа иль день-деньской
Длилась та головоломня,
Пока выдохся конь мой.
Перестал он лезть из кожи,
Мирно воз везет. На нем,
На возу пацан, взяв вожжи,
Правит миром – не конем!

6

Однохолый не был ловким,
Смог под трактор угодить
И лишиться правой холки,
Не успев начать ходить.
Мог нередко оступиться
На скоку и с седоком
Через голову крутиться
Вверх ногами кувырком.
После эдакой вертушки
Я в пыли лежу, а он,
Навостривши длинные уши,
Ловит мой протяжный стон.
Не сбежал, стоит и тычет
В нос мне варежкой-губой
И в лицо теплом мне пышет –
Мол, очнись, вставай, друг мой.
Я давно уже очнулся,
Но не хочется вставать,
Мне приятны его чувства,
Так бы ваньку и валять!
И не я, но руки сами
Шею обняли коня.
В ту минуту Бог был с нами,
Просветляя и храня.

7

До сих пор, коня встречая,
Низко голову клоню,
Для меня он тварь святая.
Слава Богу и Коню!

1994

МЫ

(штрихи к автопортрету)

Все поколенья в жизни проходили
Стихии, войны, мор иль гнет властей,
И только мы сторонкой проскочили
От этих самых гибельных страстей.

Нам повезло, мы начали с Победы,
Которую отцы нам принесли,
И 50 спокойных лет безбедно
Учились и трудились, как могли.

Трудились не за деньги, не за славу
И не искали сверхпостов себе;
Желали одного – чтоб за державу
Не стыдно было нам в своей судьбе.

Ценили честь превыше, чем карьеру,
И поступали, совесть как вела,
Свободными в достаточную меру
Мы оставались в мыслях и делах.

Не верили ни в Бога и ни в Черта,
Но свято чтили славный красный флаг,
И никогда под членов в «Волгах» черных
Не прогибались ради личных благ.

Мы оставляли близких без вниманья,
Нам было некогда согреть родных.
Любили мать с отцом на расстоянья,
О, как теперь нам не хватает их!

Одна лишь просьба к поколениям новым:
Когда наш луч сверкнет из вечной тьмы,
Вы нас хорошим помяните словом –
Не самые плохие были мы.

Терпугов Александр Фёдорович,
профессор, доктор физико-математических наук,
профессор кафедры прикладной информатики факультета информатики ТГУ,
Заслуженный деятель науки РФ

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ, НАСТАВНИКЕ, ДРУГЕ

Терпугов Александр Фёдорович родился 26 октября 1939 года в городе Томске, в котором и прожил всю свою жизнь. Его отец, Терпугов Фёдор Иванович, до революции был учеником сапожника, и что бы сейчас ни писали об Октябрьской революции 1917 года, но именно она позволила ему получить образование и закончить Томский университет, в котором он, за исключением военных лет, когда был в действующей армии, и проработал всю свою жизнь. Диссертаций он не защитил и работал старшим преподавателем химического факультета, был деканом этого же факультета, начальником учебной части ТГУ. Его мать, Штамова Сарра Захаровна, происходила из достаточно богатой еврейской семьи и приходится сестрой известному томскому врачу, основателю Института курортологии и физиотерапии Я.З. Штамову. Именно происхождение мешало ее карьере – она работала сначала ассистентом в Томском мединституте, а позднее преподавателем химии в Томском фармацевтическом училище.

Детские годы Саши пришлись на период войны, когда отец был на фронте и средства к жизни добывала лишь мать. От соседки по дому Александр заразился туберкулезом, от которого вылез лишь к 12 годам. Это наложило отпечаток и на его учебу в начальных классах – он практически все время болел и учился крайне плохо. Особенно тяжело давалась ему арифметика – он имел по ней тройку, и то с натяжкой. Он и до сих пор плохо считает, даже с калькулятором. Дело выправилось в старших классах, когда стали изучаться более абстрактные дисциплины, такие как алгебра и геометрия – тут у него была уже твердая пятерка. А больше всего ему нравилась физика – на проходивших в те годы городских олимпиадах по физике он стабильно занимал первые места.

Друзей нередко всеу обижали,
Но их обиды вмиг прощали им,
Учителей посмертно вспоминали,
Но забывали позвонить живым.
Политика нас слабо занимала,
Прохвосты ж находились всякий раз,
И вот однажды всей страны не стало
И вместе с нею отменили нас.

Теперь цивилизованные страны,
Спасенные Россией от врагов,
Как те монголы, требуют с нас дани,
А мы не в силах вразумить их вновь.
Есть дети, внуки и работы много,
Но на душе великая тоска:
Бессмысленная жизнь, и у порога
Уже стоит надгробная доска.

Поэтому естественно, что после окончания школы (а он кончил её с золотой медалью и имел право поступления в ВУЗ без экзаменов) Саша понес свои документы в Томский университет для поступления на физический факультет, так как мечтал стать физиком-теоретиком. Но – не донес. В коридоре услышал историю о том, что на радиофизическом факультете какой-то доцент П.П. Бирюлин сколотил группу студентов и они занимаются изучением буржуазной лженауки – кибернетики. В результате Саша поступил на радиофизический факультет и позднее примкнул к этой группе, в которую входили будущие томские корифеи – Ф.П. и В.П. Тарасенко, А.Д. Закревский, Г.А. Медведев, В.В. Поддубный. Позднее, на 4-м курсе, Александр прибил к Ф.П. Тарасенко, который стал его шефом и научным руководителем.

Когда Александр Федорович учился на 3-м курсе, в университет поступила первая в Томске ЭВМ «Урал-1» и он стал одним из первых программистов Томска. Позднее он даже подрабатывал программированием и оставил это занятие лишь тогда, когда стал доктором наук. Но до сих пор любит вспоминать смешные истории того периода, хотя такие понятия как «АВОст», «однотактный режим», «ввод с перфоленты», «магнитный барабан» уже почти никому не понятны.

Учился Александр Федорович на одни пятерки, за исключением военной подготовки. Полковнику, ведущему строевую подготовку, почему-то казалось, что студент Терпугов над ним издевается, хотя тот и старался изо всех сил. В результате он с трудом получил тройку по этому предмету. Но красный диплом был ему обеспечен, на распределение он пошел первым, и ему торжественно предложили поступить в аспирантуру. К удивлению всех присутствующих Александр отказался и попросился